

С. А. Орешин

История христианства в Чечне и Ингушетии в Средние века и Новое время

УДК 94(470.66):27-9
DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_261
EDN UKQSQX

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы появления и развития христианской религии на территории Чечни и Ингушетии в период Средневековья и Нового времени. Цель исследования — проследить формирование вайнахского христианства, проанализировать факторы, которые содействовали его развитию и привели к угасанию, выявить его влияние на культуру и быт вайнахов. Автор использовал описательно-повествовательный, историко-генетический, сравнительный, типологический и системный методы, опирался на данные этнографических и археологических источников XIX–XX вв., анализ исторической литературы и собственные полевые исследования, предпринятые в Чеченской Республике в 2017 г. Актуальность работы состоит в анализе истории становления и бытования одной из мировых религий на Северо-Восточном Кавказе в условиях межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Новизна заключается в том, что автор прослеживает непрерывность и длительность процесса христианизации нахских обществ, а также сохранявшегося сильного воздействия христианской религии на язык, верования и быт чеченцев и ингушей.

Христианизация Чечни и Ингушетии проходила в XI–XIII вв. и была связана с активной миссионерской деятельностью Грузинской Православной Церкви. Упадок христианства начался после нашествия Тимура в конце XIV в. В XVI–XVII вв. православие в регионе пережило кратковременное возрождение. В XVIII – первой половине XIX вв. власти Российской империи пытались рехристианизировать Ингушетию, однако в силу ряда внутренних и внешних причин не смогли добиться успеха.

Ключевые слова: история, Кавказ, Средние века, Новое время, христианство, православие, Чечня, Ингушетия, Грузия, Византия, Россия, Тхаба-Ерды, Алби-Ерды, Таргимский храм, миссионерство.

Об авторе: **Сергей Александрович Орешин**

Кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

E-mail: Oreshin12345@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1654-5617>

Для цитирования: Орешин С. А. История христианства в Чечне и Ингушетии в Средние века и Новое время // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 261–273.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2022

Sergey A. Oreshin

History of Christianity in Chechnya and Ingushetia in the Middle Ages and the Modern Period

UDK 94(470.66):27-9
DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_261
EDN UKQSQX

Abstract: The article deals with the emergence and development of the Christian religion in Chechnya and Ingushetia during the Middle Ages and the Modern Period. The purpose of the study is to trace the formation of Vainakh Christianity, analyze the factors that contributed to its development and led to extinction, identify its influence on the culture and life of Vainakh. The author used a descriptive-narrative, historical-genetic, comparative, typological and systemic method, based on data from ethnographic and archaeological sources of the 19th and 20th centuries, analysis of historical literature and his own field studies undertaken in the Chechen Republic in 2017. The relevance of the work is that an analysis of the history of the formation and existence of one of the world's religion in the North-East Caucasus in conditions of interethnic and interfaith interaction. The novelty lies in the fact that the author traces the continuity and duration of the process of Christianization of Nakh societies, as well as the continued strong influence of the Christian religion on the language, beliefs and life of Chechens and Ingush.

The Christianization of Chechnya and Ingushetia took place in the 11th – 13th centuries and was associated with the active missionary activities of the Georgian Orthodox Church. The decline of Christianity began after the invasion of Timur at the end of the 14th century. In the 16th – 17th centuries Orthodoxy in the region experienced a short revival. In the 18th to first half of the 19th century the authorities of the Russian Empire tried to re-Christianize Ingushetia, but for a number of internal and external reasons they could not succeed.

Keywords: history, Caucasus, Middle Ages, Modern Period, Christianity, Orthodoxy, Chechnya, Ingushetia, Georgia, Byzantium, Russia, Thaba-Erdy, Albi-Erdy, Targim Church, missionary work.

About the author: **Sergey Alexandrovich Oreshin**

Ph. D., Researcher, Caucasus Department, N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.

E-mail: Oreshin12345@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1654-5617>

Article link: Oreshin S. A. History of Christianity in Chechnya and Ingushetia in the Middle Ages and the Modern Period. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 3, pp. 261–273.

Северный Кавказ — один из наиболее полиэтничных и многоконфессиональных регионов России. Ингушетия и Чечня, расположенные на северо-востоке этого региона, — республики с абсолютным преобладанием мусульманского населения. Однако так было не всегда. В прошлом значительная часть вайнахов исповедовала христианство. В то же время история христианства в Чечне и Ингушетии остается одной из сравнительно малоизученных тем российской историографии.

В связи с этим представляется важным, на мой взгляд, осветить вопросы появления христианской религии на территории Ингушетии и Чечни, проследить основные ареалы его распространения, охарактеризовать христианские памятники того времени, понять, какие исторические факторы способствовали распространению христианской веры в этом регионе, а какие, наоборот, препятствовали и, наконец, попытаться ответить на вопрос, почему же в конце концов христианство в этих регионах было вытеснено исламом.

Географически исследование охватывает всю территорию современной Республики Ингушетия и Чеченской Республики, а хронологически — период Средних веков и Нового времени, от момента появления первых христианских общин на рубеже I и II тысячелетий и до окончательной исламизации ингушей во второй половине XIX в.

Чеченцы и ингуши — одни из автохтонных народов Кавказа — на протяжении длительного времени исповедовали политеистическую религию. Вопрос появления христианства в данном регионе остается дискуссионным. По мнению некоторых чеченских историков, христианство начало проникать к нахским племенам в IV–V вв. из Армении и Грузии [Ахмадов, 2001, 208]. В грузинских преданиях говорится о том, что около 830 г. миссионеры из Грузии начали проповедовать христианство в горах Чечни и Ингушетии. В местности Тхаба-Ерды (на территории современного Джейрахского района Ингушетии) они основали монастырь, где впоследствии располагалась кафедра епископа, подчинявшегося грузинскому католикусу [Джанашвили, 1912, 14]. Историк и археолог Г. Г. Гамбашидзе, исследовавший храм Тхаба-Ерды, также пришел к выводу о том, что он был основан в IX в. и типологически схож с грузинскими церквями той эпохи [Гамбашидзе, 1971, 214].

Однако остальные историки в большинстве своем подвергают эту датировку сомнению. В тот период времени значительная часть Грузии находилась под властью мусульман, единого грузинского государства не существовало. Грузинские князья, занятые бесконечными войнами и междоусобицами, не могли оказывать большую помощь христианским миссионерам. Некоторые ученые предполагают, что храм Тхаба-Ерды был возведен в первой половине XI в., когда Грузия переживала процесс создания и укрепления централизованного государства. Свой вывод они основывают на найденных в этом храме обломках черепицы, на которых грузинским шрифтом асомтаврули содержится надпись «Христе, возвеличь патриарха Востока Мкизика, аминь». Патриарх «Мкизек» соотносится ими со святителем Мелхиседеком I, который возглавлял Грузинскую Православную Церковь в 1010–1033 гг. [Кузнецов, 2002, 114].

Другие исследователи полагают, что христианство стало проникать в Ингушетию из Грузии еще позже, в начале XII в., в годы правления святого царя Давида IV Строителя. Именно временем его царствования они датируют возведение храма Тхаба-Ерды [Крупнов, 1971, 196]. В ингушских преданиях содержится информация о том, что в древние времена 2000 грузин, возглавляемых неким князем, поселились в Ингушетию и на территории Тхаба-Ерды построили православную церковь. Первоначально они поддерживали мирные отношения с коренными жителями, однако затем начались конфликты, и грузины вынуждены были удалиться на родину. Тем не менее ингуши стали ходить молиться в покинутую ими церковь [Далгат, 2004, 128].

Ряд ученых считают, что первоначально Тхаба-Ерды был построен язычниками, однако затем, под влиянием христианских миссионеров, был перестроен и освящен в качестве христианского храма [Албогачиева, 2011, 11]. Само название «Тхаба-Ерды» вызывает до сих пор дискуссии исследователей: некоторые полагают, что храм был

посвящен св. ап. Фоме, другие считают, что название переводится как «две тысячи святых». Длина храма 17 м, ширина 7 м, стены сложены из разнородных камней известняка, мергеля, сланца, на извести. Тремя стрельчатыми арками храм разделен на четыре части. В храм вели три входа: в западной стене, в западной части южной стены и в северной стене. Примечательна резная, в технике барельефа, композиция, выполненная в западной стене над входом в здание. На рельефе изображены три мужские фигуры анфас, над головой средней фигуры — модель грузинской крестово-купольной церкви с граненым барабаном и высоким коническим куполом — видимо, это сцена с изображением ктиторов церкви, подносящих построенный храм Иисусу Христу. Человек справа от Христа в левой руке держит большой крест, правая рука его на рукояти меча. Можно предположить, что это князь или глава рода. Человек слева, по всей видимости, — священник в молитвенной позе, с его плеч свисает омофор с крестами.

Храм, как предполагают ученые, был внутри оштукатурен и расписан фресками, но они не сохранились. При раскопках на территории храма были найдены обломки каменного креста, каменная купель и обломки черепицы, на которых есть примечательные надписи: «Христе, прости Арсени», «помяни душу Георгия епископа», которые позволяют однозначно охарактеризовать его как христианское культовое сооружение [Кузнецов, 2002, 114]. Сложно сказать, о каком именно епископе Георгии идет речь, можно предположить, что в Тхаба-Ерды действительно располагалась епископская кафедра Грузинской Православной Церкви.

В Джейрахском районе Ингушетии находятся и другие христианские храмы. В Ассинской котловине расположен храм Алби-Ерды. Его длина составляет 13,2 м, ширина — 7,72 м. Он был построен, по всей видимости, в XI–XII вв. и имеет черты сходства с храмом Тхаба-Ерды. В апсиде церкви были обнаружены древнегрузинские надписи «Христос» и «святой», что позволяет сделать вывод о том, что она была также возведена грузинскими миссионерами или по меньшей мере под влиянием грузинского культового зодчества. Видимо, церковь была расписана фресками, но они до нас не дошли.

Недалеко от села Таргим в Ассинской котловине в XI–XII вв. был возведен еще один христианский храм длиной 7,32 м, шириной 4,6 м. Церковь была оштукатурена, но следов росписи замечено не было [Кузнецов, 2002, 116]. В храме имелся подземный склеп, где было обнаружено парное христианское погребение и железный нательный крест. Некоторые ученые полагают, что расположенные в Джейрахском районе храмы Гали-Ерды, Маго-Ерды и Тумгой-Ерды первоначально также были христианскими [Крупнов, 1971, 196].

Миссионерская деятельность грузинских проповедников оживилась во второй половине XII — начале XIII вв., в период правления св. блгв. царицы Тамары. Тогда средневековая Грузия достигла наивысшего расцвета и превратилась в сильнейшее государство на Южном Кавказе. Через Ингушетию пролегалла дорога, которая соединяла Северный Кавказ с Южным, поэтому царица Тамара стремилась взять эти земли под свой контроль. Обращение ингушей в христианство виделось важным средством к укреплению в этом регионе грузинского влияния.

Грузинские проповедники проникали и на территорию Горной Чечни. Центром чеченского христианства стал район Аргунского ущелья [Шавхелишвили, 1963, 81]. В чеченских преданиях говорилось о том, что на берегу озера Галанчож некогда находился христианский монастырь, однако ученые пока не смогли обнаружить его следов [Миллер, 1888, 21–22]. В чеченских сказаниях, зафиксированных этнографами в XIX в., отмечалось, что в горах, откуда берут начало Форганга, Асса, Геха, долгое время жили «ламкрсты» (горные христиане), а до XV в. многие чеченские тайпы (крупные родоплеменные объединения) были христианскими [Казбек, 1878, 267].

Стоит задаться вопросом, оказывали ли другие христианские страны, помимо Грузии, влияние на Ингушетию и Чечню. Он до сих пор остается дискуссионным. Возможно, христианство проникало к горцам также через Византию. В X–XII вв. на побережье Черного моря находились опорные византийские пункты, а византийские

императоры поддерживали тесные отношения с христианскими и мусульманскими государствами Северного и Южного Кавказа и даже оказывали помощь христианским миссионерам, действовавшим в Дагестане. Некоторые ученые полагают, что византийские миссионеры могли проповедовать и среди вайнахов [Шамилев, 1963б, 8]. Прямых подтверждений этому нет, однако в ингушских преданиях говорилось о том, что некогда в их горах жили джелты (греки), которые построили множество церквей, замков, башен и затем ушли, оставив большие клады [Ахриев, 1875, 6]. Возможно, эти легенды являются отражением византийского влияния на горцев в период Средневековья.

Наконец, нельзя исключать и влияния со стороны православной Алании — могущественного средневекового государства, располагавшегося на Северном Кавказе. В состав Алании входила часть территории современных Ингушетии и Чечни, и можно предположить, что аланские цари также содействовали распространению в этих регионах христианства [Шамилев, 1963б, 8]. Ряд исследователей выдвигали гипотезу и о возможном католическом влиянии со стороны Венеции и Генуи, колонии которых располагались в Причерноморье. Известно, что католические миссионеры активно действовали в Дагестане, где ими было создано епископство Каспийских гор, центр которого находился в Дербенте [Ханбабаев, 2003, 219]. Оно включало в себя, по всей видимости, территорию Северо-Восточного Кавказа, но каких-либо следов проникновения католицизма в Ингушетию и Чечню не выявлено. Правда, некоторые путешественники XVIII–XIX вв. отмечали, что в горах Западной Чечни располагалась старинная каменная церковь, выстроенная по образцу храма Гроба Господня в Иерусалиме, над входом в которую имелась готическая надпись, а в самом храме хранились богослужебные книги, написанные латинскими буквами [Броневский, 1823, 161–162]. Однако подтвердить этот факт в ходе последующих экспедиций не удалось.

Что же касается материальных памятников православия, то они весьма обширны, особенно на территории Ингушетии. На территории этой республики были найдены христианские погребения, каменные кресты. В частности, большой крест из цельного камня был найден в середине XIX в. в восточной Ингушетии близ аула Цори. Местные жители говорили русским офицерам, что их предки были христианами (Десять лет на Кавказе, 1854, 41). Возле башенного аула Кий было обнаружено несколько крестов-тельников. Примечателен обнаруженный при расчистке поминальной камеры на территории обширного некрополя Мохеде крест-энколпион с рельефным изображением распятого Иисуса Христа. Он датируется первой половиной XIII в. Здесь же был найден большого размера железный крест. При раскопках святилища Мятер-Диела, расположенного на Столовой горе и ориентированного входом на восток, в верхней части культурного слоя были найдены три металлических креста, изготовленных в Средневековье [Мужухоев, 1989, 130–132]. На восточном берегу реки Камбилевки в 40 верстах от устья был найден камень с изображением св. Георгия, поражающего змея. На многих очагах, очажных цепях, домашней утвари также изображались кресты [Крупнов, 1971, 195]. В 1896 г. Г. А. Вертепов обнаружил у местных ингушей пергаментную Псалтирь XII в. на грузинском языке, которая, по их словам, раньше хранилась в храме Тхаба-Ерды и, скорее всего, использовалась при богослужениях [Вертепов, 1903, 118]. В начале XX в. в храме Маго-Ерды также была найдена написанная по-грузински средневековая Псалтирь. Местные жители уже не понимали смысла написанного, но продолжали почитать эту книгу [Мужухоев, 1989, 120].

В Чечне христианских памятников обнаружено меньше, что, по всей видимости, говорит о более слабой укорененности новой религии. В Аргунском ущелье были найдены каменные кресты, особенно много их было обнаружено в Шагойском районе. В окрестностях аула Эрсеной (Веденский район) была найдена могильная плита с изображением креста на Голгофе, а представители этого тайпа утверждали, что их предки были христианами [Попов, 1870, 11]. В 1844 г. на левом берегу Аргуна около Чахкиринского аула на небольшом возвышении был обнаружен огромного размера крест. На стороне, обращенной к востоку, было небольшое углубление, видимо, для помещения иконы. Местные жители, хотя исповедовали ислам, относились к этому кресту

с большим благоговением (Хицунов, 1903, 9). Вблизи Чечен-аула (Грозненский район) был найден большой железный крест (Семенов, 1890, 3). В общине Майсты, расположенной недалеко от границы с Грузией, хранилась привезенная некогда грузинскими миссионерами скульптура св. вмч. Георгия Победоносца, известная как Георгий Майстский и Святой Георгий Майстский Джвари. Сохранилось описание этой скульптуры: святой «деревянный, лицо, обитое серебром, вместо глаз вставлены два красных камня, обернут лоскутами из разных материй белого и красного цвета». Среди находившегося при нем «украшительного достояния» отмечены 9 медных и 3 серебряных колокольчика, медный кружок, медная чашка с обломанными краями, 2 серебряные цепочки (одна из которых была с шестью бубенчиками), проволочное кольцо, 29 монет. В XIX в., когда майстинцы уже приняли ислам, они продолжали почитать Георгия Майстского и молились ему, потому что он, по их словам, «помогал им в их нуждах». Когда тушинский благочинный Иов Цискаров увез скульптуру в Грузию, мотивируя это тем, что местные жители являются мусульманами, чеченцы подали прошение тифлисскому военному губернатору с просьбой вернуть ее в Майсту. Рассмотрев дело, губернатор принял решение удовлетворить просьбу чеченцев [Соловьева, 1992, 123–124].

Сильный удар по позициям православия нанесло монгольское нашествие в XIII в. Алания была уничтожена, а Грузия серьезно ослаблена и больше не могла поддерживать деятельность христианских миссий на Северном Кавказе. Христианство, конечно, не исчезло. В 1310 г. грузинский епископ Евфимий упоминал православные храмы в стране «нохчиев» (чеченцев). В Хунзахе (Дагестан) действовала митрополия Грузинской Православной Церкви, которая охватывала также территорию Чечни и Ингушетии. Однако вайнахское христианство было достаточно неглубоким по своему наполнению. Проповедникам так и не удалось всерьез обратить вайнахов в христианство. Исполняя христианские обряды, они, тем не менее, сохраняли языческие представления о мире и автохтонное мировоззрение [Кусаева, Таказов, 2015, 69]. Фактически можно говорить о христианско-языческом синкретизме в горах Ингушетии и Чечни в период Средних веков.

В XIV в. у горцев наблюдается ренессанс язычества. Церковь Алби-Ерды и Таргимский храм были приспособлены для языческих молений и жертвоприношений. Около каменных крестов также стали совершаться языческие обряды [Мужухоев, 1981, 32, 34]. Страшной катастрофой для северокавказского христианства стало нашествие в конце XIV в. войск среднеазиатского завоевателя Тимура, который целенаправленно уничтожал христианские церкви и христианское духовенство и насаждал ислам: «Тимур-Ленг, покорив кистин, глив, дзурдуков (так в средневековых источниках назывались нахские племена. — С. О.), то лестью, то угрозами, совратил их в магометанство и назначил им мулл из арабов, которых обязал учить детей письму на арабском языке; он издал также строгое повеление, чтобы отнюдь не учились ни чтению, ни письму на грузинском языке» [Джанашвили, 1897, 25]. Оправиться от этого удара вайнахское христианство уже не смогло и медленно угасало. По всей видимости, в XV в. перестала существовать епископская кафедра в Тхаба-Ерды, а сам храм был перестроен местными мастерами и превращен в синкретический культовый центр.

В XVI в. с территории Дагестана в Чечню проник ислам. Поддерживаемый аварскими и кумыкскими правителями, он начинает постепенно вытеснять язычество и христианство. Некоторую попытку переломить ситуацию и оказать поддержку угасающему христианству предприняли цари Кахетии. Они старались поставить под свой контроль дорогу, которая соединяла Южный Кавказ с Северным, что позволило бы им наладить прямой контакт с православным Русским царством. С этой целью кахетинские цари направляли к горцам христианских проповедников и пытались привлечь на свою сторону представителей феодализирующейся верхушки. Им удалось добиться в этом определенного успеха. В 1638 г. кахетинский царь Теймураз I совершил большой поход на Северный Кавказ. Его войска сжигали языческие храмы и прогоняли мусульманских мулл. В результате этого похода многие ингуши и чеченцы приняли христианство, к ним были направлены грузинские священники

[Кусаева, Таказов, 2015, 69]. В верховьях реки Ассы в Делите была возведена христианская церковь, украшенная изображениями крестов на Голгофе.

От этого времени до наших дней дошли примечательные памятники — т. н. кресты-«голгофы» на боевых башнях. Символика этих крестов послужила причиной длительной и оживленной полемики между исследователями. Некоторые видели в них проявления солярного языческого культа, однако, на мой взгляд, вполне убедительно предположение Д. Ю. Чахкиева, который связывает их с влиянием Грузии и трактует как однозначно христианские символы. Эти кресты делались на башнях путем выборки из стены небольших камней и напоминают человеческую фигуру, у которой расставлены ноги и раскинуты руки, т. е. они имеют вид распятой человеческой фигуры. Их аналоги встречаются на грузинских культовых постройках времен Средневековья и позднейших крепостных постройках.

Кресты-«голгофы» обязательно выкладывались на той стене башни, которая была обращена в сторону магистральной дороги, чтобы еще издали путник мог увидеть этот своеобразный символ. Они подчеркивали конфессиональный статус владельца башни. В Чечне, на боевой башне в Цой-Педе (Итум-Калинский район), находится изображение распостертой человеческой фигуры, которая выложена мозаикой из светлых камней по темному фону стены. У фигуры сохранились черты лица. Остальные боевые башни с подобными крестами расположены на территории Горной Ингушетии (села Озми, Морч, Хани, Средний Оздик, Эгикал, Таргим, Евлой, Пялинг, Ний, Меллер) [Чахкиев, 1981, 53]. Эти башни принадлежали представителям знатных родов, которые ориентировались на Грузию и тем самым показывали свою лояльность сюзеру. В многобашенных же поселениях такие кресты фиксируются только на боевых башнях представителей наиболее сильных и знатных тайпов. Например, в ауле Ний расположены четыре замка с боевыми башнями, на стенах которых находятся кресты-«голгофы». Здесь жили представители сильного и знатного тайпа Евлой. Интересно, что, согласно ингушским преданиям, представители этого тайпа были в древности христианскими священнослужителями в храме Тхаба-Ерды [Чахкиев, 1981, 54–55].

Однако за кратковременным подъемом Грузии последовало ее новое ослабление. Распавшаяся на множество княжеств, эта страна была фактически разделена между Османской империей и Персией. Миссионерская деятельность грузинских проповедников замерла. В XVII–XVIII вв. усилились позиции ислама, который получал поддержку со стороны дагестанских мусульманских государств, Крымского ханства и особенно Османской империи. Мусульманские проповедники постепенно исламизировали Чечню. В Ингушетии вновь возросло влияние древней политеистической религии (в частности, в храме в Делите стали совершаться языческие обряды), которая, впрочем, впитала некоторые элементы христианской веры. Некоторые исследователи полагают, что именно благодаря христианству в вайнахском язычестве оформился концепт главного, единого Бога — вседержителя и творца (чеченский «Дала», ингушский «Даъла»). По всей видимости, под влиянием христианства у вайнахов возникло представление об аде и рае. Бог подземного царства Эштр стал творить справедливый суд над умершими, отправляя праведных в рай, а грешников — в ад.

В ходе проведения обрядов жрецы начали использовать средневековые металлические кресты. Например, в ходе гадания об урожае, который проходил ежегодно на Столовой горе, если жрец выносил собравшимся один крест, это свидетельствовало о том, что год будет неурожайным, два креста говорили о посредственном урожае, а три креста — о том, что урожай будет хорошим. Во времена молений в языческих святилищах начали использовать восковые свечи, что также говорит о христианском влиянии на политеистическую религию вайнахов [Мужухоев, 1981, 36].

Вообще, следы христианства были заметны в быту, обычаях и обрядах ингушей и чеченцев. Например, месяц февраль назывался «Мархи-бут», что в переводе означало «месяц поста». Здесь очевидно влияние христианского Великого поста [Крупнов, 1971, 198]. Ингуши держали два поста — один большой в период поздней зимы — ранней весны, и второй малый — летом. В этом также можно заметить

отголоски христианского вероучения. Вайнахи-язычники почитали воскресный день. Многие опустевшие христианские церкви продолжали почитаться в качестве святых мест [Мигаев, 2004, 25].

Многие названия дней недели были заимствованы из грузинского языка. Так, слово «пятница» по-грузински звучит как «параскеви» (явная связь с культом святой Параскевы. — С. О.), а по-чеченски и ингушски — «периска»; суббота — «шабаты» и «шот»; понедельник — «оршобати» и «оршот»; воскресенье — «квира» и «кѳира» [Алироев, 1994, 140]. Вайнахские языки заимствовали из грузинского слой христианской религиозной терминологии: крест — «джавар», ад — «джожахати», рай — «ялсамани». У грузин были заимствованы семантика имен: Адам, Харон, Хава (Ева), Нохъа (Ной), а также история о Всемирном потопе [Шамилев, 1963а, 92, 96]. Отголоском христианской проповеди можно считать некоторые названия в горной Чечне: юрдахо — место крещения; Керистие — село Христиановское; Гюьрчачга ара — поляна святого Георгия; Гюьрга цона — покос святого Георгия; моцкъара босса — склон священника [Барабанов, Волхонский, Мирзоева, Муханов, 2015, 118]. Чеченские тайпы Зумсой, Келой, Варандой выводили свое происхождение от православных грузин, в их обрядах вплоть до начала XIX в. сохранялись христианские элементы [Ипполитов, 1868, 4].

Чеченский автор XIX в. У. Лаудаев отмечал, что еще в XVII в. значительная часть чеченцев исповедовала христианство, а впоследствии многие горцы, не желая принимать ислам, уходили за Терек к русским казакам, «потому что считали их братьями по религии» [Лаудаев, 1872, 57–58]. На протяжении веков чеченцы и ингуши, спасаясь от кровной мести, переселялись за Терек в станицы гребенских казаков. Там они принимали православие и через несколько поколений полностью сливались с русскими, но долгое время помнили свое нахское происхождение [Волкова, 1974, 196–197].

В середине XVIII в. границы Российской империи приблизились к землям чеченцев и ингушей. Российские власти, стремясь упрочить свое влияние среди горцев, предприняли попытку рехристианизации этих регионов, особенно Ингушетии. Поскольку в Средние века эти земли являлись канонической территорией Грузинской Православной Церкви, то первоначально задача ведения миссионерской проповеди среди вайнахов была возложена на грузинских священников. Главным миссионерским центром являлся монастырь Воздвижения Креста Господня в Кизляре. В 1751 г. грузинские миссионеры крестили около 2000 ингушей (Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 442. Л. 8 об.). 15 июня 1756 г. иером. Григорий выступил с христианской проповедью в лагере ингушей на берегу Терека. В тот же день 60 ингушских старейшин приняли Крещение и заявили, что хотят находиться под покровительством российских властей и свободно ездить в Кизляр для торговли [Барабанов, Волхонский, Мирзоева, Муханов, 2015, 236].

Однако в целом грузинские миссионеры уделяли мало внимания проповеднической деятельности. Они предпочитали жить в Грузии, Кизляре или Моздоке, занимались торговлей и крайне редко посещали горные общества. Кроме того, они не владели ингушским и чеченским языками, а вайнахи, соответственно, не знали грузинский, вследствие чего просто не могли усвоить постулаты христианской религии. В результате Екатерина II приняла решение отстранить грузин от проповеднической деятельности. В 1780 г. эта задача была возложена на Осетинскую духовную комиссию, представители которой лучше знали своих соседей и могли с большим успехом выполнять эту миссию. Главным центром миссионерской деятельности стал Свято-Троицкий монастырь близ Владикавказа. В Моздоке была открыта горская школа, где учились осетинские и ингушские дети и функционировал духовно-просветительский центр. Однако результаты деятельности Осетинской духовной комиссии тоже были довольно скромными. К началу XIX в. она смогла обратить в христианство всего 820 ингушей [Русско-осетинские отношения, 1976, 391–392]. В годы правления Александра I миссионерская работа в Ингушетии продолжалась. Так, в 1820–1821 гг. было крещено ингушей в селениях около Назрани 113 душ; в с. Бекболат — 308 душ; Байсагори — 66 душ; Гвилети — 181 душа (РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 8809. Л. 13).

В 1810-х гг. в Ингушетии появились протестантские проповедники Г. Блай и Г. Галловой из Эдинбургского миссионерского общества. Блай выучил ингушский язык, хорошо знал ингушские адаты и сумел завоевать большое уважение среди горцев, что позволило ему свободно перемещаться по всей территории Ингушетии. Понимая, что одной из главных трудностей восприятия ингушами христианства являлось незнание ими языков, проповедник перевел на ингушский язык молитву Господню и напечатал ее в Астрахани. Он намеревался также осуществить перевод Священного Писания и богослужебных книг и для этой цели разработал ингушскую азбуку на основе латиницы [Краснокутская, 2000, 114]. Однако деятельность Блая встревожила российские власти, и в 1821 г. по настоянию командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала А. П. Ермолова протестантские проповедники были высланы с территории Северного Кавказа. Однако тот же Ермолов докладывал в Петербург о том, что распространение среди ингушей православия продвигалось очень медленными темпами. Более того, некоторые старейшины, принявшие христианство, просили разрешить им вернуться в язычество, т. к. «с переменою религии они потеряли уважение народа, явно сопротивляющегося введению христианства» (АКАК, 1874, 478–479).

В 1830-х гг. православная миссия среди ингушей и чеченцев активизировалась. На эти цели выделялись денежные средства, к работе привлекались местные чиновники. Так, назрановский пристав Гайтов был награжден орденом Святого Владимира за содействие в обращении в христианскую веру ингушского народа (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 218. Л. 22). Однако успехи христианизации горцев по-прежнему оставались скромными. Статс-секретарь М. П. Позен отмечал, что «обращаемые в христианство ингуши, как и обращающиеся, руководствуются в своих действиях не душевным убеждением и ожиданием благ нетленных, а помыслами мирскими и видами скорейшего достижения благ земных» (РГВИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 292. Л. 3). Дело в том, что знатым людям после крещения выдавали 20 рублей серебром и серебряный нателный крест, а бедным — 50 копеек. Кроме того, новообращенным давали новую одежду, зеркала фабричного производства, шарнирные ножницы, замки, иголки. Эти предметы, свидетельствующие о распространении христианства, были найдены археологами в Оздикском и Кошкинском склеповых некрополях, могильниках Шатой, Кокадой [Мужухоев, 1981, 41]. Однако ставка на материальное поощрение привела к тому, что некоторые горцы крестились по 10–15 раз и все равно продолжали поклоняться языческим богам [Мугуев, 1931, 10]. Иногда миссионеры пытались силой обратить горцев в христианство, что приводило к вооруженным стычкам и даже гибели проповедников (Грабовский, 1868, 2).

В 1838 г. комендант Владикавказа докладывал, что распространение православной веры в Ингушетии «находится на низшей ступени и в самом почти младенчестве» (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 218. Л. 19–20). Представители духовенства отмечали, что вера у горцев была неглубокой, а приверженность к ней зачастую определялась конкретной политической ситуацией. Были известны случаи отказа от православия, когда российская администрация пыталась заменить горские адаты российскими законами. Со стороны ингушей декларированное принятие христианства зачастую было способом решения своих экономических и политических проблем [Наскидаева, 2011, 63, 68]. Военный министр А. И. Чернышев в своем докладе императору Николаю I отмечал, что «проповедники, не зная ни язык, ни обычаев своей паствы и не вникая в положение ингушей, учили их или на ломаном туземном наречии, или на русском, непонятном для сего народа языке, требуя в то же время строгого исполнения проповедуемой ими религии. Нельзя также не сознаться, что миссионеры поведением своим не умели внушить того уважения, какого должно требовать от звания проповедника слова Божия... Подарки, деньги и пособие хлебом, выдававшиеся новообращенным, увлекли многих принять Святое Крещение, но большей частью людей самого бедного и низкого сословия, побуждаемых к тому видами корысти» (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13628. Л. 1–5 об.). В 1846 и 1850 гг. Осетинская духовная комиссия основала в Назрани два прихода, где священниками стали ингуши Г. Цамдиев и А. Долмазов

(СПб филиал архива РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 197. Л. 6). Однако спустя некоторое время эти священники со своей паствой перешли в ислам.

Тем не менее христианская проповедь оказала определенное влияние на горцев. Богиня плодородия Тушоли стала именоваться в молитвах Богородицей и Девой Марией. Праздник Тушоли стали справлять в одно из ближайших к Пасхе воскресений — Вербное или Фомино. Обязательным приношением считалось треугольное обрядовое печенье с изображением креста (Великая, Виноградов, 1983, 40). Широкое распространение получило празднование Троицы и почитание св. пророка Илии, с которым был отождествлен древний бог грома и молний Села. Бог охоты и покровитель земледельцев Елта стал ассоциироваться с архангелом Михаилом и св. Николаем Чудотворцем. Бог Тамыш-Ерда воплотил в себе некоторые черты св. вмч. Георгия Победоносца [Кусаева, Таказов, 2015, 70]. От русских проповедников были заимствованы слова «маьтер даьла» — Матерь Божия; «бжолг» — божий; «очче даьла» — Отче (Господь) [Албогачиева, 2011, 25, 28].

Между тем в условиях Кавказской войны быстро шло распространение ислама. В период правления Александра I и Николая I почти вся Чечня стала мусульманской, лишь в самых отдаленных горных обществах сохранялись синкретические языческо-христианские верования. Так, в ходе полевых работ автора в Чечне информанты сообщали о том, что вплоть до 1840-х гг. некоторые тайпы, входившие в тукхум Чеберлой на территории Юго-Восточной Чечни, считались христианскими. Однако имам Шамиль после нескольких военных походов обратил их в ислам (ИМА, 2017). В середине XIX в. все христианские миссионеры были отозваны из Ингушетии, которая вскоре тоже стала мусульманской [Барабанов, Волхонский, Мирзоева, Муханов, 2015, 266]. По словам Н. Ф. Грабовского, в конце 1860-х гг. среди ингушей можно было еще встретить людей, «исповедующих православную веру, но и эти люди не особенно стараются о том, чтобы знали об их религии, которую они приняли под давлением каких-либо особенных, исключительных обстоятельств» [Грабовский, 1870, 27–28]. Этнограф С. Максимов подчеркивал, что «ингуши до сих пор придерживаются языческих обрядов, среди которых приметны остатки древнего христианства» [Максимов, 1866, 21]. Впоследствии все новообращенные ингуши и их потомки перешли в ислам или, поселившись среди русских, ассимилировались с ними.

На завершающем этапе Кавказской войны по инициативе наместника на Кавказе генерал-фельдмаршала А. И. Барятинского было основано Общество восстановления православия на Кавказе. В планы этого Общества входила рехристианизация Ингушетии и Чечни, для чего планировалось осуществить перевод на чеченский и ингушский языки богослужебных книг. Однако, столкнувшись с устойчивостью процесса исламизации в регионе, российские власти отказались от идеи возобновить среди вайнахов проповедь христианства [Колосовская, 2011, 203, 205].

В конце XIX в. этнографы отмечали, что христианские обряды сохранялись еще в некоторых аулах в Горной Ингушетии, но существовали они «в виде глухих и искаженных отголосков, исчезающих все более и более под влиянием мусульманского духовенства» [Миллер, 1888, 2]. Христианство так и не смогло укорениться среди ингушей, и те обряды, которые они восприняли от православных миссионеров, со временем стали забываться и, наконец, полностью исчезли в XX столетии (см.: [Албогачиева, 2011, 29]).

В завершение исследования нельзя не задаться вопросом, почему же все-таки христианство, несмотря на длительную историю, так и не смогло укорениться среди ингушей и чеченцев и было вытеснено исламом. Тому был ряд причин. Христианизация вайнахов, осуществлявшаяся грузинскими миссионерами в период Средневековья, носила во многом поверхностный характер. Среди горцев преобладали синкретические, полуязыческие верования. Новую веру принимали, как правило, представители родовой верхушки, ориентировавшиеся на Грузию. Христианство в регионе существовало во многом благодаря масштабной поддержке извне — сначала со стороны единого Грузинского царства, а в раннее Новое время — Кахетии. С ослаблением этих

государств коррелировался процесс упадка христианских общин. Закавказским миссионерам, по всей видимости, не удалось «коренизировать» христианскую религию среди горцев, которые в массе своей рассматривали ее как «грузинскую» веру. Это осложнялось тем, что Священное Писание и богослужебные книги так и не были переведены на чеченский и ингушский языки, богослужения проводились на грузинском, который был малопонятен горцам.

Наконец, с самого начала христианство оказалось во враждебном окружении, испытывая давление со стороны мусульманских государств Дагестана, Кабарды, Крыма и Османской империи. Начавшаяся Кавказская война, экспансия Российской империи с одной стороны и теократического Имамата Шамиля с другой, привели к тому, что чеченцы приняли ислам. Попытки российских властей рехристианизировать Ингушетию в силу целого ряда объективных и субъективных причин не увенчались успехом. Тем не менее длительное бытование среди вайнахов христианства оказало определенное влияние на их материальную и духовную культуру.

Источники и литература

Источники

1. АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 6. Ч. 1. Тифлис, 1874. [2], XIII, 941 с., [2] л. ил.
2. Архив СПбИИ РАН — Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 442.
3. ПМА — Полевые материалы автора. Чеченская Республика, 2017.
4. РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13628; Ф. 1268. Оп. 1. Д. 292; Ф. 13454. Оп. 6. Д. 218.
5. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 2. Д. 8809. Л. 13.
6. СПб филиал архива РАН — Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 94. Оп. 1. Д. 197.
7. Грабовский (1868) — *Грабовский Н. Ф.* Горский участок Ингушского округа в 1865 г. // Терские ведомости. 1868. № 22.
8. Десять лет на Кавказе (1854) — Десять лет на Кавказе // Современник. Т. XLVII. СПб., 1854. С. 40–45.
9. Семенов (1890) — *Семенов Н.* Чеченцы в роли археологов // Терские ведомости. Владикавказ, 1890. № 11.
10. Хицунов (1903) — *Хицунов П.* О Чахкиринском кресте // Весь Кавказ. Справочно-литературный сборник. Тифлис, 1903. № 1. С. 1–12.

Литература

11. Албогачиева (2011) — *Албогачиева М. С.-Г.* Влияние христианства на ингушское общество в исторической ретроспективе // Христианство на Северном Кавказе: история и современность: Сб. ст. / Отв. ред. И. Л. Бабич, Л. Т. Соловьева. М.: УОП ИЭА РАН, 2011. С. 7–30.
12. Алироев (1994) — *Алироев И. Ю.* История и культура чеченцев и ингушей. Грозный: РИК «Ичкерия», 1994. 205, [2] с.
13. Ахмадов (2001) — *Ахмадов Я. З.* История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Мир дому твоему, 2001. 424 с.
14. Ахриев (1875) — *Ахриев Ч.* Ингуши // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1875. Вып. VIII. Отд. I. С. 1–30.
15. Барабанов и др. (2015) — *Барабанов О. Н., Волхонский М. А., Мирзоева А. М., Муханов В. М.* Очерки истории христианства на Северном Кавказе: С древнейших времен до начала XX века: Научно-популярное издание. М.: Аспект Пресс, 2015. 352 с.

16. Броневский (1823) — *Броневский С. М.* Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. 465, [9] с., [1] л. табл.
17. Вертепов (1903) — *Вертепов Г. А.* В горах Кавказа // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. VI. С. 98–142.
18. Великая, Виноградов (1983) — *Великая Н. Н., Виноградов В. Б.* Доисламский религиозный синкретизм у вайнахов // Советская этнография. М., 1983. № 3. С. 39–48.
19. Волкова (1974) — *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа. XVIII — начало XX века. М.: Наука, 1974. 276 с.
20. Гамбашидзе (1971) — *Гамбашидзе Г. Г.* Отчет об археологических изысканиях в христианских храмах «Тхаба-Ерды» и «Алби-Ерды» в Ингушетии // Археологические исследования в Грузии в 1969 году. Тбилиси, 1971. С. 210–215.
21. Грабовский (1870) — *Грабовский Н. Ф.* Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 27–87.
22. Далгат (2004) — *Далгат Б. К.* Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.: Наука, 2004. 239 с.
23. Джанашивили (1897) — *Джанашивили М. Г.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 17–196.
24. Джанашивили (1912) — *Джанашивили М. Г.* К материалам по истории Грузии и России. Тифлис: тип. Канцелярии наместника е. и. в. на Кавказе, 1912. 146 с.
25. Ипполитов (1868) — *Ипполитов А. П.* Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 1–45.
26. Казбек (1878) — *Казбек Г.* Землевладение у чеченцев // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. I. С. 267–270.
27. Колосовская (2011) — *Колосовская Т. А.* Идея восстановления православного христианства на Кавказе и ее реализация в период наместничества А. И. Бяратинского // II Сиротенковские чтения. Сборник материалов международной научной конференции. Армавир: АГПА, 2011. С. 197–206.
28. Краснокутская (2000) — *Краснокутская Л. И.* Из истории шотландской колонии Каррас // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. Пятигорск, 2000. С. 111–114.
29. Крупнов (1971) — *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. 208 с.
30. Кузнецов (2002) — *Кузнецов В. А.* Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ: Ир, 2002. 159 с.
31. Кусаева, Таказов (2015) — *Кусаева З. К., Таказов Ф. М.* Распространение христианства на Северном Кавказе до XV в. // Вопросы литературы и фольклора: Сб. науч. ст. Вып. VIII. Ч. 2. Владикавказ, 2015. С. 59–76.
32. Лаудаев (1872) — *Лаудаев У.* Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. 4. С. 1–62.
33. Максимов (1866) — *Максимов С.* Русские горы и кавказские горцы (Край крещеного света). СПб.: Тип. Общественная польза, 1866. 63 с.
34. Мигаев (2004) — *Мигаев Н. В.* Христианство на Северном Кавказе: Уч. пособие. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. 52 с.
35. Миллер (1888) — *Миллер В. Ф.* Терская область. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып. I. С. 1–25.
36. Мугуев (1931) — *Мугуев Х.* Ингушетия: Очерки. М.: Федерация, 1931. 140, [3] с.
37. Мужухоев (1981) — *Мужухоев М. Б.* Проникновение христианства к вайнахам // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период: Сб. науч. трудов. Грозный, 1981. С. 23–45.
38. Мужухоев (1989) — *Мужухоев М. Б.* Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа. Грозный: Чеч.-Инг. изд.-полигр. об-ние «Книга», 1989. 220, [1] с., [16] л. ил.
39. Наскидаева (2011) — *Наскидаева Е. Х.* Конфессиональная политика России в горских обществах Центрального Кавказа (середина XIX — начало XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2011. 170 с.

40. Попов (1870) — *Попов И.* Ичкерия. Историко-топографический очерк // Сборник сведений о кавказских горах. Тифлис, 1870. Вып. IV. С. 1–20.
41. Русско-осетинские отношения (1976) — Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе: Ир, 1976. Т. I. 514 с.
42. Соловьева (1992) — *Соловьева Л. Т.* Архивные материалы XIX в. о религиозных верованиях вайнахов // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений. 1990–1991. СПб.: МАЭ, 1992. С. 123–130.
43. Ханбабаев (2003) — *Ханбабаев К. М.* Христианство в Дагестане в IV–XII вв. (Начальный этап распространения) // Православие в исторических судьбах Юга России / Южнороссийское обозрение ЦСРИИП ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 16. Сб. ст. / Отв. ред. В. В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. С. 205–225.
44. Чахкиев (1981) — *Чахкиев Д. Ю.* О социальном и конфессиональном статусе владельцев вайнахских боевых башен с крестами-«гольгофами» // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период: Сб. научн. трудов. Грозный, 1981. С. 52–58.
45. Шавхелишвили (1963) — *Шавхелишвили А. И.* Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1963. 128 с.
46. Шамилев (1963а) — *Шамилев А. И.* К вопросу о христианстве у чеченцев и ингушей // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Т. 3. Вып. 1. Грозный, 1963. С. 90–98.
47. Шамилев (1963б) — *Шамилев А. И.* Религиозные верования чеченцев и ингушей и пути их преодоления. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1963. 20 с.